

УДК 101.1:33(045)
ББК 65в

DOI 10.47475/1994-2796-2021-11113

«Экономика» в праксиологической теории К. фон Мизеса: социально-философский аспект

А. А. Шамишурин

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

Актуальность данной работы состоит в проблеме современного господствующего положения экономического дискурса. Теория Мизеса кладет основания для экономики. Исходя из критики марксизма, социализма, старого либерализма, Мизес размечает границы экономики с другим знанием. Он полагает самостоятельность экономики на фундаменте праксиологии. Экономические модели описывают и создают реальность. Автономная экономика переписывает мир под себя. Экономика как деятельность начинает совпадать с реальностью. Мир экономических структур становится «миром редкости». И как последнее он есть «марионетка». Экономика полагает редкость как неоспоримый факт и осуществляется как борьба с ней путем рационализации потребления и распределения. Экономическая деятельность описывает и создает человека (*homo economicus*), логика которого представлена общечеловеческой логикой. Отсутствие борьбы — покой и полное удовлетворение — означает счастье. Им себя и мнит экономика, требуя полного контроля над всеми социальными сферами.

Ключевые слова: *интерпретация; деятельность; экономика; экономический дискурс; редкость; рациональность.*

В данной статье осуществляется попытка интерпретировать одну из основных работ Л. фон Мизеса «Человеческая деятельность» [1] в контексте современной социальной философии, чтобы актуализировать этот труд и, возможно, по-новому взглянуть на наследие австрийского философа-экономиста. Для достижения этой цели необходимо, с одной стороны, иметь представления о теоретических позициях Мизеса на основе остальных наиболее существенных его работ как, например, «Социализм» [2], а также учесть некоторые весомые трактовки его комментаторов. С другой стороны, важным остается своя собственная позиция, с точки зрения которой, собственно, структурируется и пишется текст.

Многочисленные представления о теории Мизеса имеют вид совокупности и складываются как единичные и рядоположенные. То есть, прочитывая какой-либо текст-комментарий, возникают различные способы, как понимания, так и применения обнаруженных смыслов. Так случайные по отношению друг к другу представления могут быть структурированы с рациональной целью, или с целью экономической деятельности. Цитаты «из Мизеса» могут быть использованы равнозначно как «за», так и «против» касательно любого отдельно взятого тезиса.

Прочтение чего угодно требует понимания дискурса, а значит присутствия. В этом плане философская герменевтика позволяет полагать текст как «запечатленный» дискурс [3, с. 513].

Дискурс есть «действие языка», которое совершает автор, или, точнее, производит. Автор употребляет язык, и в этом употреблении язык вос-производится. Стоит полагать, что, интерпретируя, работы Мизеса как «зафиксированный» язык, который как текст-письмо уже не действует, будучи вневременной структурой [3, с. 155]. Объективированный в тексте язык обнаруживает смыслы в последующем говорении, то есть употреблении языка.

Поскольку существует говорение, здесь то же, что и производство, постольку возникают и осуществляются смыслы текста. Можно сказать, что герменевтика — это существование понимания как способа бытия человека говорящего. Именно с точки зрения философской герменевтики в данной статье выстраивается интерпретация тех представлений, которые имеются в научной литературе по теории Мизеса. Конечно, основное внимание брошено на «Деятельность» и другие тексты Мизеса. Таким образом, получается, что с одной стороны представлена совокупность текстов, а с другой — метод, посредством которого будет переосмыслен текст.

Современная социальная философия исходит из совместности человеческого бытия (Нанси). Смысл всегда социален, то есть коммуницируем и со-общаем [4, с. 91]. Поэтому герменевтика, занимающаяся пониманием смыслов, возможна только как социальная философия. Для нее экономическая теория Мизеса может иметь значение

в том случае, если последняя социально ориентирована, то есть имеет своей целью передачу смысла в своей целостности, а значит, концептуальности. Так как социальная философия задает смыслы со-вместности, то экономика рассматривается в со-общении с иными состояниями социального в целом. Тогда теория Мизеса оказывается точкой разворачивания или сообщения смыслов социального, что указывает на философский способ прочтения данной работы.

Уже в самом названии «Человеческая деятельность» Мизес обозначает проблему неразличимости экономического и социального бытия. Другими словами, экономика совпадает с человеческой деятельностью, которая, поскольку она человеческая, является сообща или в сообществе. Из этого следует, что любая деятельность — индивидуальная, коллективная — трактуется как экономическая. Логика существования деятельности (праксиология) становится экономической логикой.

Анализируя социальное бытие, можно сказать, что современная экономика существует как основной смысл социальной реальности, объективируя философские науки. «Происходит полная объективация философского знания, которое редуцируется и нивелируется в совпадении с экономическим. Экономическая реальность совпадает с общественной» [5, с. 6]. Так любая деятельность или целенаправленное поведение полагается как экономическое. Получается, что экономическое знание неприложимо, то есть оно не направлено на что-то вне (внеэкономическое), оно направлено на само себя. Из этого следует, что «экономика» самоописывается: она как самостоятельное знание, оборачивается для себя самой «экономической реальностью», различаясь в познавательных эпистемологических структурах.

Экономика как субъект саморепрезентируется в экономическом знании, то есть обнаруживает себя в качестве объекта, а значит, можно говорить об «экономической точке зрения». Субъект как точка зрения предъясняется в дискурсивных формах. Экономический дискурс распространился на все сферы социального, действия которых понимаются экономически на уровне языка и традиции. Например, в выражении «нет ничего семьи дороже» прочитывается экономический смысл. «Семья» здесь имеет стоимость. Она стоит дороже всего, что есть. В таком значении «семья» равноценна тому, чего нет. Тогда существование конкретной «семьи» актуализируется из возможного, когда оно стоит определенных денег, то есть имеет определенные условия своего о-существления. «Всё, что существует, — это производственно-по-

требительские, товарно-денежные, в итоге, — рыночные отношения (общество потребления)» [Т5, с. 6]. Экономика как интерпретативная структура социального бытия объясняет любую деятельность и целенаправленное поведение человека. Она совпадает с интерпретируемым языком или текстом.

Так экономика становится тотальной и предъясняет экономический смысл, вне которого существует нечто «обездоленное не-экономическое». Формирование этого «не-экономического» есть некоторая тайна, которая в своем обнаружении может пониматься как идеология в том смысле, в котором ее понимает С. Жижек [6]. С точки зрения экономики, «не-экономическое» не может быть деятельностью, целенаправленным поведением, логичным, рациональным [1, с. 22—26]. То есть не может быть чем-то, что относится к экономике. Не-экономическое как «призрак», «пустое тело», оставшееся от тотального экономического «вычитания». Экономический смысл предъясняет существование социального (смысл всегда социален), тогда как не-экономическое есть в то же время асоциальное.

Когда существование экономики неприложимо к тому, чем она не является (не-экономикой), а является она всем, тогда она теряет возможные новые смыслы. Остается воспроизводство единственно актуального. Возникающие экономические кризисы есть не что иное, как утверждение экономикой самой себя в условиях воспроизводства единственного смысла.

Концепт «экономика» и социальное существование экономики совпадают в точке универсального языка денег. Экономическое знание, какое бы оно не было, могло не касаться каждого человека как в случае с эмпирическими науками. Но экономика существует как деньги, которые, являясь средством обращения, устанавливают социальный порядок: разделение труда, специализация, глобализация, регионализация и т. д. Деньги существуют как на макро-, так и на микро-уровне. Они позволяют человеку специализироваться профессионально, по интересам, идентифицировать себя в социальной иерархии. Уже и сам человек не мыслится вне денег.

Как экономическая мысль, так и мысль вообще, требует обрамления, в процессе которого устанавливается пространство размышлений. Пространство задается границами. В нем размечаются «топосы», понятия, образующие ряды: потребность-ресурс, спрос-предложение, купля-продажа и т. д. Но предмет сознания тогда становится ясным, когда определения мысли понимаются структурно, а не как только реф-

лектируемое содержание нашего сознания, когда «спрос» и «предложение» представлены как распознаваемые, но отдельные и случайные друг для друга (рядоположенные) «топосы» одного пространства, то есть без связности. В качестве экзemplификационной формы рассмотрим категорию «предложение», которая понимается как экономическая только тогда, когда связана по значению и смыслу со «спросом», «ресурсами», «производством», «рынком» и т. д. Однако и этого недостаточно. Необходимо соединить «топосы» путем не столько формального логического синтеза, сколько содержательно-смыслового порядка в пределах экономической дискурсивности. Дискурсивные границы пространства как бы задают язык, в котором и исходя из которого экономическое понимается как «экономическое». Пространство «экономики» размечается языком.

Экономист не всегда понимает пространство «экономики» и предъявляет уже-заданные связи между понятиями как экономическое знание. Можно сказать, что здесь разница между мышлением и знанием становится очевидной: мысль об экономике и представление об экономике различаются как процессуальность и конечность. Экономическое знание, в том числе и математические модели экономики, основанное на позитивности, конечно. Мизес как раз кладет рациональность в основание экономики за счет того, что рассматривает ее как праксиологию. Конечное представление об экономике сводится к ошибкам. Так, например, экономист приемлет понятие «корреляция», имеющее непрямую, невидимую связь, в отличие от «причины» [7, с. 26], связь которой ясна, и потому обращает его к возможности ошибок, аномалий, отстраненности научной теории от языковой реальности. «Экономист» как социальная роль не мыслит. Он не является субъектом, а вся его субъективность ограничена социальными структурами, определяемыми экономическим дискурсом.

Экономические модели предъявляют собой формальный расчет. Они заключают в себе конфигурации, выражающие кривые на графике зависимых и независимых переменных. Эти экономические модели предъявляют нам порядок таким, какой он есть, а также таким, каким он может быть при изменении переменных. Последнее позволяет говорить о потенциальной возможности общества менять и меняться, однако, в таком случае, дело уже не касается экономической науки. Все таки экономическая теория — это наука о средствах, а не о целях [1, с. 24]. Но именно выход за пределы предмета экономики может привести к размышлениям, то есть к превращению представлений в мысли.

Экономической теории необходим экономический дискурс, но находится он вне ее предмета, поскольку корни рыночных явлений выходят «далеко за пределы рынка и рыночных сделок» [1, с. 219]. Для того, чтобы экономика стала самостоятельным знанием, Мизес устанавливает границы «экономики» таким образом, что экономическое находит причины в самом экономическом или имевшем. «Невозможно четко определить границу между типом деятельности, являющейся собственно областью экономической науки в узком смысле, и остальной деятельностью. Экономическая теория расширяет свой горизонт и превращается в общую науку обо всей человеческой деятельности — в праксиологию» [1, с. 219]. Можно сказать, что он создает праксиологический язык экономики. В этом смысле можно рассматривать Мизеса как «философа от мира сего», для которого, однако, Р. Хайлбронер не нашел места в своей известной монографии [8].

Внутренние границы пространства «экономики» разворачивают его в праксиологические структуры. Мизес задает пространство «деятельности» как понятие, которое 1) включает в себя пространство «экономики», 2) в праксиологическом аспекте, тождественно с ним, 3) совпадает с мышлением, что повторяет принцип классической философии «мышление есть деятельность». Таким образом, «экономика» принадлежит деятельности и мышлению и представляет собой особый способ того и другого. Это дает нам основание говорить об экономической деятельности и экономическом образе мышления. Вместе с тем, получается, что «экономика» субъективна в своем предшествовании/априорности. А в последовании/апостериорности представляет собой объективацию как особый способ человеческой деятельности. Человек, как пишет Мизес, не только человек разумный, но и человек действующий (*homoagens*) [1, с. 17]. А значит, праксиология вмняет человеку экономическую логику его деятельности.

С точки зрения праксиологии, началом экономической мысли возможно положить представление о безграничности потребностей и ограниченности ресурсов. При кажущейся и условной безграничности потребностей, ограниченность ресурсов как бы является неоспоримым фактом. Именно он приводит к необходимости и доказывает мышлению как таковому потребность в экономическом способе промысливания.

Соответственно, отрицая ограниченность ресурсов, мы отрицаем саму экономику [1, с. 221-222]. То, что мир ресурсов бесконечен, объявляется фикцией неэкономического, а значит

иррационального мышления. Иллюзия того, что мир бесконечен, таким образом, является первой границей пространства «экономики». «Фактом» ограниченности мира полагается редкость средств, которые бы способствовали достижению целей.

Как «иллюзия редкости», так и сама редкость находится в пространстве понятия «деятельности», но именно к экономической деятельности и мышлению относится объективированное представление о том, что ресурсы на нашей планете ограничены и заканчиваются. Экономический образ мышления как бы заставляет нас смотреть на мир как на «мир редкости».

«Редкость» — это та точка, через которую манифестируется экономическая теория. Экономика есть универсальный метод «борьбы с редкостью». «Иллюзия редкости» как граница экономического взгляда, позволяет нам понимать «духовное» как не-экономическое, находящиеся за пределами него. Потребность духа современности, как мне кажется, и состоит в том, чтобы различить экономику от того, что не относится к ресурсной ограниченности.

Поскольку ограниченность ресурсов экономически неоспорима в поле деятельности (объективация), то возникает необходимость обратиться к неограниченности в потреблении (субъективация) и определить ее. Потребление, являясь зависимой переменной на графике, обнаруживает неопределенность, которая в свою очередь определяется и существует только относительно определенных ресурсов, например доходов. Тогда избыточность стремления потратить определяется направленностью этого потока потреблять на ограниченные ресурсы, то есть определяется в факте выбора (от лат. *factum* — «свершенный»). Выбор возникает в силу несоответствия потребностей и ресурсов для их удовлетворения. Тогда экономическую теорию следует признать как общую теорию выбора. А значит принять и то, что любая деятельность, где присутствует выбор, относится к предмету исследования экономиста.

Выбор «сдерживает» неограниченную потребность и частично изменяет неудовлетворенное состояние конкретного человека более удовлетворенным. В этом плане человек всегда выбирает благо (Сартр). Сдерживание своей неопределенности указывает на психоаналитический аспект, который подтверждается еще и тем, что под выбором подразумевается соответствие ценностям, мотивам, побуждению, предопределяющие конкретное действие. Тогда различие психологического и экономического устанавливается с точки зрения праксиологии. Мизес пишет, что эконо-

мика имеет отношение к деятельности, тогда как психология — побуждению к ней [1, с. 46].

Психоанализ, в плане праксиологии, полагает пространство «деятельности» как целенаправленное поведение, поскольку человек выбирает даже тогда, когда отказывается от выбора. Целенаправленное поведение возникает из беспокойства, которое заключается в том, что человек имеет представление о более удовлетворенном состоянии, чем его собственное. Мизес показывает через психоанализ, что инстинкты не находятся вне целенаправленного поведения. Они, как и Эго, ведут человека к счастью [9].

Вырисовывается еще одна граница пространства «экономики» — счастье как состояние полного покоя и беспокойство. Где, с точки зрения праксиологии, счастье понимается как состояние полного удовлетворения и отсутствия деятельности, а беспокойство и, вытекающее из него, стремление к благу, соответственно, относится к экономической теории. Счастье как полная удовлетворенность обнаруживает предвосхищение избыточности, при условии неограниченности потребностей. Тогда беспокойство понимается как состояние, вызванное в силу нехватки ограниченных ресурсов, предполагающее экономическую деятельность как субъективацию объективности. Начиная борьбу с «миром редкости», экономика объявляет счастьем полное соотнесение с собой. Наше беспокойство, из которого вытекает любая деятельность и целенаправленное поведение, всякий раз должно полагать счастье, которое должно возвеличиваться в том смысле, как описывает экономисту Дж. Агамбен [10].

Человек мыслит и совершает действие с целью, используя любые средства для ее достижения, а значит, действует рационально. «Человеческая деятельность всегда необходимо рациональна» [1, с. 22]. Иррациональное — это рациональное, кажущееся не целесообразным, то есть не разумным [1, с. 23]. Шаман, совершая магический обряд, имеет цель и использует доступные его мышлению средства. Метод всегда рационален и шаман, в праксиологическом смысле, равен ученому-экономисту. Граница «экономики» приобретает еще одно имя — «рациональность». Рациональная деятельность есть экономическая деятельность, имеющая дело со средствами для достижения цели. Противоположностью рационального, в праксиологическом плане, является не иррациональное, а реактивная реакция мышления, которая не предполагает какое-либо действие.

Однако шаман-экономист в отличие от ученого-экономиста не учитывает причинность, которая является условием любого действия. Не зная

причинной связи, человек не может сознательно вмешаться в ход вещей и целесообразно повлиять на него. Из чего следует, что праксиология обусловлена причинностью и не может не учитывать физические законы и, одновременно с этим, телеологична. Другими словами, пространство «деятельности» определено со стороны причинности, которая не предполагает целесообразности. Тогда пространство «экономики» начинается тогда, когда внимание направлено не на цель, а на средства ее достижения, при этом имеется обусловленность принципом причинности. Поскольку средства имеют отношение к ограниченным ресурсам, то они являются объективными, тогда как деятельность, ведущая к цели посредством ресурсов, — субъективной.

Сам шаман, как и ученый, являются средством, с помощью которого утверждается экономический дискурс. Экономика как знание и языковая реальность с помощью цифровизации и математизации давно перестала быть определяемой и перешла в план знаков. Экономические модели служат в качестве самой экономической реальности.

Таким образом, пространство «экономики» обрамляется «редкостью» ресурсов, фактом выбора, рациональностью, средством вообще и поэтому становится в широком смысле трудно отличимой от человеческой деятельности. «Экономика» становится общей теорией выбора, экономической логикой деятельности.

Экономическая логика деятельности заключена в целенаправленном поведении, которое предполагает обмен (греч. «каталлаксис») чего-либо

менее удовлетворительного на более удовлетворительное, не ограничиваясь материальным. Наука об обмене — каталлактика (еще одно имя экономики) — полагает рынок и цену, товаров и услуг. На цену влияет субъективное неопределенное пространство «деятельности»/хозяйствования, которое определяет экономическая теория и что, собственно, имеет своим предметом исследования как наука. Деньги являют язык обмена или экономику. Рынок не существует без денег, поэтому экономика включает в себя как рыночные явления, простирающиеся на всю праксиологию, так и денежный расчет.

«Экономика» есть наука о средствах, выборе и обмене. Экономическая теория объективирует субъективную человеческую деятельность. Имея свое начало в праксиологии, экономика получает определенный фундамент и предмет. Рыночные явления простираются на всю деятельность человека. Существовая как экономическая деятельность и экономическое мышление, экономика замыкается в тавтологии и становится идеологичной. Она приобретает господствующий смысл. Мир становится «миром редкости». Человек не живет, а «тратит» конечную жизнь. Поступая не экономически, он тратит ее не оправдано. Мизес и сам отмечает трудности разграничения экономики и праксиологии, говоря о необходимости конвенций и традиции. В такой ситуации, стоит обратиться к «деятельности» как хозяйствованию и рассмотреть ее в целостности как тождество субъекта и объекта, то есть смотреть на нее как на присутствие человека.

Список литературы

1. Мизес, Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Л. Мизес. — М. : Экономика, 2000. — 878 с.
2. Мизес, Л. Социализм. Экономический и социологический анализ / Л. Мизес. — М. : Catallaxy, 1994. — 416 с.
3. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер ; пер. с фр. вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. — М. : Академический Проект, 2008. — 695 с.
4. Нанси, Ж.-Л. О событии / Ж.-Л. Нанси // Философия Мартина Хайдеггера и современность. — М. : Наука, 1991. — С. 91—102.
5. Полякова, Н. Б. Философия и экономика: аспекты взаимоопределения / Н. Б. Полякова // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. — 2015. — № 3. — С. 5—9.
6. Жижек, С. Возвышенный Объект Идеологии / С. Жижек ; пер. с англ. В. Софронова. — М. : Художественный журнал, 1999. — 234 с.
7. Макконнелл, К. Р. Экономикс: Принципы, проблемы и политика : в 2 т. Т. 1 : пер. с англ. / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю. — 11-е изд. М.: Республика, 1992. 399 с.
8. Хайлбронер, Р. Л. Философы от мира сего / Р. Л. Хайлбронер ; пер. с англ. И. Файбисовича. — М. : Астрель: CORPUS, 2011. 432 с.
9. Мизес, Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность / Л. Мизес. — М. : Каталаксия, 1993. — URL: https://libertarium.ru/1_lib_buero3_05.html#01 (дата обращения 18.10.2021).

10. Агамбен, Дж. Царствоислава. К телеологической генеалогии экономики и управления / Дж. Агамбен. — М. ; СПб. : Изд-во Института Гайдара ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. — 552 с.

Сведения об авторе

Шамшури Алексей Андреевич — аспирант 3-го года обучения, ассистент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Институт истории и социологии Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия. *hamshurin19aleksey@gmail.com*

Научный руководитель

Наталья Борисовна Полякова — кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Институт истории и социологии Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия. *midies@mail.ru*

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 11 (457).

Philosophy Sciences. Iss. 62. Pp. 95—101.

The “economy” in the praxiological theory of L. von Mises: the socio-philosophical aspect

Shamshurin A.A.

Udmurt State University, Izhevsk, Russia. hamshurin19aleksey@gmail.com

Abstract: The relevance of this paper lies in the problem of the current dominant position of economic discourse. Mises’s theory lays the foundations for economics. From his critique of Marxism, socialism, and old liberalism, Mises marks the boundaries of economics with other knowledge. He assumes the autonomy of economics on the foundation of praxiology. Economic models describe and create reality. Autonomous economics rewrites the world for itself. Economics as an activity begins to coincide with reality. The world of economic structures becomes a “world of rarity. And as the latter, it is a puppet. Economics assumes rarity as an undeniable fact and is carried out as a struggle against it, through the rationalization of consumption and distribution. Economic activity describes and creates man (*homo economicus*), whose logic is represented by universal logic. The absence of struggle — peace and complete satisfaction — is happiness. This is what economics imagines itself to be, demanding complete control over all social spheres.

Keywords: *interpretation; activity; economy; economic discourse; rarity; rationality.*

References

1. Mises L. *Chelovecheskaja dejatel'nost': Traktat po jekonomicheskoj teorii* [Human activity: a treatise on economic theory]. Moscow, Jekonomika, 2000. 878 p. (In Russ.).
2. Mises L. *Socializm. Jekonomicheskij i sociologicheskij analiz* [Socialism. Economic and sociological analysis]. Moscow, Catallaxy, 1994. 416 p. (In Russ.).
3. Riker P. *Konflikt interpretacij. Oчерki o germenевtike* [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Moscow, Akademicheskij Proekt, 2008. 695 p. (In Russ.).
4. Nansi Zh.-L. O sobytii [About the event]. *Filosofija Martina Hajdeggera i sovremennost'* [Martin Heidegger’s Philosophy and Modernity]. M., Nauka, 1991. S. 91-102.
5. Poljakova N.B. *Filosofija i jekonomika: aspekty vzaimoopredelenija* [Philosophy and economics: aspects of mutual determination]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Pedagogika* [Bulletin of the Udmurt University. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2015, no. 3, pp. 5—9. (In Russ.).
6. Zhizhek S. *Vozvyshennyj Obekt ideologii* [Sublime Object of Ideology]. Moscow, Hudozhestvennyj zhurnal, 1999. 234 p. (In Russ.).
7. Makkonnell K.R., Brju S.L. *Jekonomiks: Principy, problem i politika* [Economics: Principles, Problems and Politics]. Vol. 1. Moscow, Respublika, 1992. 399 p. (In Russ.).
8. Hajlbroner R.L. *Filosofy ot mira sego* [Philosophers of this world]. Moscow, Astrel', CORPUS, 2011. 432 p. (In Russ.).

9. Mises L. Bjuokratija. Zaplanirovannyj haos. Antikapitalističeskaja mental'nost' [Bureaucracy. Planned chaos. Anti-capitalist mentality]. Moscow, Katalaksija, 1993. Available at: https://libertarium.ru/l_lib_bue-ro3_05.html#01, accessed 14.07.2021. (In Russ.).

10. Agamben Dzh. *Carstvo I slava. K teleologičeskoj genealogii jekonomiki i upravlenija* [Tsarstvoislav. To the teleological genealogy of economics and management]. Moscow, St. Petersburg, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU, 2018. 552 p. (In Russ.).